

УДК 330.8
ББК 65.02

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ
*кандидат экономических наук, доцент
Байкальского государственного университета экономики и права,
г. Иркутск
e-mail: maid1960@mail.ru*

О «ШУМПЕТЕРИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ» В ИСТОРИОГРАФИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Автор подвергает критическому разбору попытки превратить Й. Шумпетера в основоположника, а его «Историю экономического анализа» — в первоисточник «абсолютистского» подхода в историографии экономической науки, отслеживающего исключительно интеллектуальное развитие предмета науки, неуклонное движение экономической мысли к истине — современной ортодоксии. Подхода, с позиций которого не только оцениваются достижения отечественной экономической науки, но и пересматриваются ее историографические традиции.

Ключевые слова: историография экономической науки, история экономической мысли, Й. Шумпетер, история науки.

D.YA. MAIDACHEVSKY
*PhD in Economics, Associate Professor,
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: maid1960@mail.ru*

ABOUT «SCHUMPETERIAN TRADITION» IN HISTORIOGRAPHY OF ECONOMICS

The author analyzes the attempts to present J. Schumpeter as a founder and his «History of economic analysis» as the primary source of «absolutist» approach in the historiography of economics, which traces only intellectual development of the subject of the science, continuous movement of economic thought to the truth — modern orthodox economics. The achievements of the national economics are assessed and its historiographic traditions are revised from the perspective of absolutist approach.

Keywords: historiography of economics, history of economic thought, J. Schumpeter, history of science.

Критика подходов к познанию прошлого экономической науки, сложившихся в советский период, началась уже на его исходе. Объектом критики стал господствовавший в отечественной истории экономической науки «вульгарный социологизм», под которым понималась не только привычка ограничиваться изучением классовых позиций экономических теорий, но и традиция отслеживать непосредственное воздействие внешних социальных факторов на содержание экономического знания. К примеру, в учебном пособии 1989 г., все еще настаивавшем на «примате материальных условий и классовых интересов в качестве

факторов движения экономических идей», выражалось робкое опасение за их абсолютизацию и «недооценку роли внутренней логики прогресса экономической теории» [8, с. 6].

«Грубому материализму» была противопоставлена «господствующая в мире» традиция «истории экономического анализа» как истории его предпосылок, а важнейшая роль в деле обновления методологии историко-научного анализа в первое постсоветское десятилетие стала отводиться освоению «восходящих к Й. Шумпетеру принципов критической истории инструментария экономистов» [9, с. 19–20].

Роль путеводителей по заповедной для отечественных исследователей территории предстояло выполнить переведенным на русский язык учебникам, основанным на этой традиции. В.С. Автономов, автор предисловия к русскому изданию учебника М. Блауга, указывал на последний как на ориентир, задающий траекторию движения отечественных историко-экономических исследований, образец современной историко-научной методологии, примерить пока еще великоватые «одежды» которой («книга "на вырост"») предстояло их авторам [1, с. IXX–XXII]. Увидевший свет год спустя учебник Т. Негиши [10], хотя и несколько другими средствами, решал те же задачи, что и книга Блауга, достраивая здание той модели историко-экономической науки, методологический фундамент которой был заложен Шумпетером. Сторонники установок последнего, по мнению Автономова, «пишут историю не людей или направлений, а идей, причем точкой отсчета служит не прошлое, а настоящее, сегодняшнее состояние теории. В основе такого подхода, очевидно, лежат предпосылки о единстве экономической теории как науки, решающей некоторый постоянный набор проблем во все времена, о кумулятивном росте экономического знания и прогрессе инструментов экономического знания» [1, с. XXI].

Учебнику Блауга, призванному выполнить функцию проводника указанных историографических установок вплоть до перевода на русский язык их первоисточника — «сделавшей эпоху» в истории экономической науки фундаментальной «Истории экономического анализа» Шумпетера¹, суждено было, однако, сыграть куда более самостоятельную роль. Тем более что оригинальная шумпетерианская историография на деле не только много богаче и сложнее, но и попросту не соответствует формуле, использованной Автономовым для выражения ее содержания.

С этим, по сути, согласился и В.С. Автономов, вынужденный в предисловии к рус-

скому переводу указывать скорее на отличия в подходах к познанию прошлого Шумпетера и Блауга, нежели на сходство этих подходов и их преемственность. «...“История” Шумпетера, — признавался он, — содержит намного больше, чем собственно историю анализа... В отличие от того же Блауга Шумпетер предпосылает истории анализа изложение ее чрезвычайно широко понимаемого контекста. Здесь находится место для описания исторических событий, социально-экономического “фона” и “духа эпохи”, параллельного развития других областей научного знания (от математики до теологии и психологии) и даже искусства» [12, с. X].

Добавим, что столь же сомнительными являются приписываемые Шумпетеру ключевая роль в формировании ретроспективного взгляда на развитие науки, его выводы о единстве экономической теории как науки и кумулятивном росте экономического знания. Можно согласиться с утверждениями исследователей творчества ученого о том, что ортодоксальная экономическая наука немало потрудились над приведением его оригинальных идей в соответствие с собственными представлениями о развитии экономической науки. Признавая Шумпетера «...ведущим абсолютным авторитетом в области экономической историографии, ортодоксальные экономисты могут утверждать, что возможности развития унаследованного богатства объективного и автономного экономического знания обязательно интерпретируются и оцениваются с точки зрения критерия “наилучшей практики”, отвечающей современным стандартам; идеи воспринимаются, если они не противоречат доминирующим в литературе положениям и могут быть в них встроены» [2, с. 16].

Именно учебник М. Блауга способствовал формированию «шумпетерианской традиции» в истории экономической науки, причем не столько глубоким исследованием историографических установок Шумпетера, сколько их во многом априорным превращением в один из двух полюсов континуума подходов к изучению ее прошлого. Благодаря учебнику Шумпетер превращался в родоначальника абсолютистского подхода, отслеживающего исключительно интеллектуальное развитие предмета, неуклонное движение экономической мысли к истине — современной ор-

¹ Я.И. Кузьминов полагал, что работа Й. Шумпетера способна сыграть в развитии отечественного академического сообщества такую же роль, как и опубликованный в 1960-х гг. учебник П. Самуэльсона [9, с. 20].

тодоксии, подхода, оппозиционного релятивизму, призванному учесть многообразные влияния на это движение контекста.

Именем Шумпетера фактически освящалось стремление вписать собственные идеи в контекст такой оппозиции, носящей к тому же идеологический характер. В предисловии ко второму изданию книги, датированном, заметим, 1968 г., Блауг со всей определенностью сформулировал ее цель — противостоять «типично марксистским», «квазимарксистским», «ультрамарксистским» подходам в истории экономической науки. Со всей решительностью он настаивал на тезисе (истинность которого и сам в дальнейшем изложении не раз ставил под сомнение), что «значительная часть истории экономической мысли сосредоточена вокруг ошибок в логике и пробелов в анализе и не имеет связи со злободневными событиями» [1, с. XXVI].

Использование восходящих к Шумпетеру понятий «история экономического анализа» и «история инструментов» не должно вводить в заблуждение относительно цели, провозглашенной и фактически достигнутой им в «Истории экономического анализа», — написание истории экономической науки в жанре социологии знания. Невозможность выявления простых универсальных научных экономических принципов на всех выделенных этапах развития науки заставила Шумпетера определить последнюю как «совокупность плохо упорядоченных и пересекающихся между собой областей знания» и предложить читателям историю последних в исторических, статистических, теоретических, социологических, политических и других измерениях. И не очищенную от контекста эволюцию экономического инструментария, а историю областей экономического знания, «полную взаимодействия людей, идей и событий» [15, р.18].

В начальных главах своей книги Шумпетер не только отстаивает тезис о возможности изучения истории экономической науки как истории любой отрасли знания, но и знакомит читателя с программой изучения истории экономической науки с позиций «социологии науки». Работа австро-американского историка науки, предложившего, по мнению исследователя историко-научной составляющей его творчества М. Перлмана, одну из трех наиболее влиятельных интерпретаций истории

экономической мысли [15, р. 9–28], фактически закладывала основы того направления в науке, которое, в противоположность «истории экономической мысли» (*history-of-thought*), носит ныне название «истории экономической науки» (*history-of-science*).

Поставленная Шумпетером задача «объяснить экономическую науку в терминах динамической социологии знания» (М. Перлман) предполагала изучение ситуаций социального производства знания как наведение мостов между внутренними и внешними контекстами данного процесса. Будучи, по сути, противником кумулятивной, прогрессистской теории знания, он подчеркивал в этой связи: «Научный анализ — это не просто логически последовательный процесс, начинающийся с какой-то примитивной стадии и идущий по пути неуклонного прогресса. Это не поступательный процесс открытия новой объективной реальности... Процесс научного анализа напоминает, скорее, непрерывную борьбу с тем, что уже создано нами и нашими предшественниками. Его прогресс (насколько он существует) диктуется не логикой, а влиянием новых идей, наблюдений, потребностей и не в последнюю очередь особенностями характера новых исследователей. Поэтому любой трактат, претендующий на освещение "современного состояния науки", в действительности излагает методы, проблемы и выводы, которые исторически обусловлены и имеют смысл только в контексте исторических условий их возникновения» [12, с. 5].

Именно со страниц учебника Блауга оппозиция «абсолютизм — релятивизм» или ее адаптированная для российского читателя научным редактором перевода версия — логический и исторический подходы к познанию прошлого экономической науки — шагнула в отечественную учебную и научную литературу, стала использоваться как для характеристики предмета дисциплины «История экономических учений», присущих ей подходов, так и для оценки прошлого отечественной экономической науки, выработки представлений об исследовательских подходах в современной экономической историографии¹.

¹ В качестве примера укажем на цикл публикаций И.П. Гуровой [3–6], основой которых стала ее докторская диссертация [7].

Между тем авторитетное мнение на сей счет самого Й. Шумпетера отнюдь не двусмысленно: не только системы политической экономики и экономическая мысль, но и «экономический анализ и его результаты безусловно исторически ограничены, относительны» [12, с. 16]. Вопрос лишь в степени такой относительности, менявшейся от эпохи к эпохе, и решать этот вопрос историк предлагал посредством детального рассмотрения влияния, оказываемого на науку историческим контекстом, в ходе конкретного историко-научного исследования.

Предвосхищая же будущие недоразумения с использованием понятия «релятивизм», часто, на его взгляд, неправильно употребляемого, Шумпетер очерчивал круг ситуаций, в которых речь может идти об исторической относительности применительно к историко-экономическому исследованию. Первая ситуация связана с ограниченностью источников историографической информации, имеющейся в распоряжении исследователя в каждый момент времени, и, следовательно, с неполнотой знаний об экономической науке прошлого, в силу чего его «выводы вполне могут быть опровергнуты в дальнейшем». Вторая — с «заинтересованностью экономиста в проблемах своей эпохи», что неизбежно сказывается на его подходе к экономическим явлениям [там же, с. 16 (прим.)]. Таким образом, Шумпетер имел в виду релятивность научного знания, обусловленную не только проблемой выбора тем исторических сочинений, замыслом исследований или отбором относящихся к теме фактов, но и его включенностью в исторический и социальный контекст.

Замечание историка о том, что подобная относительность историко-экономического знания не имеет «ничего общего с философским релятивизмом», вряд ли возможно интерпретировать как приверженность абсолютистской позиции, гипертрофирующей фундаментализм научного знания и основывающейся на признании абсолютной истинности знания, отражения последним действительности. Столь же далек он от позиции, «абсолютизирующей» момент релятивности в науке, настаивающей на относительности исторической истины. Скорее можно говорить о релятивизме эпистемологическом, утверждающем, что в научном познании

отсутствуют исторически и социально независимые критерии научности. Релятивизм у Шумпетера — неотъемлемый методологический принцип построения динамической социологии экономического знания, в соответствии с которым познавать прошлое экономического знания можно только посредством конкретных исторически и социально относительных, меняющихся описаний. И в этом смысле справедливо классифицировать подход, реализованный им в «Истории экономического анализа», как исторический (историцистский).

Именно попытка отделения экономического анализа от «проблем эпохи», в гуще которых тот развивался, привела Шумпетера к «открытию» им ретроспективного подхода в истории экономической науки. Единственного, позволяющего разглядеть прогрессивные изменения в последней, однако ценой мифологизации историографии, поскольку критерием прогрессивности научных достижений прошлого является в ней современное состояние экономической науки. Имеющая более высокий статус, выступающая критерием истины, своеобразным стандартом, современная наука позволяет выстроить непрерывность идей между настоящим и прошлым, списав все не вписавшиеся в нее идеи на «происки» истории или результат «внешних влияний».

Однако Й. Шумпетер не воспользовался в «Истории экономического анализа» плодами своего открытия, хорошо известного в общей историографии как «взгляд на историю с точки зрения современности», «вигская (Whig) интерпретация истории» или «презентизм». Это вынужден был признать П. Самуэльсон, спустя 30 лет предпринявший попытку переориентировать (!) экономическую историографию на изучение прошлого с позиций современного ее состояния и предложивший программу «либеральной (вигской) истории экономического анализа». Называя «Историю...» Шумпетера наглядным и выдающимся примером подобного подхода к истории экономической науки, он, со ссылкой на незавершенный характер работы, отмечал: «Господь указал Моисею путь к земле обетованной, но не дал ступить на нее» [16, р. 56].

Свидетельством же окончательной реабилитации подлинных историографических

взглядов Й. Шумпетера¹ можно считать факт покаяния в «грехе абсолютизма» М. Блауга, отрешившегося от абсолютистской интерпретации из-за скрывающегося за ней презентизма. Историографии, запятнавшей себя

связью с «либеральной интерпретацией истории», или «рациональной реконструкции», Блауг противопоставил «историческую реконструкцию» [13, р.145–164; 14, р. 27–37]. Введенная им в научный и образовательный оборот новая оппозиция заставила ученого пересмотреть место в историографической системе «презентизм — историзм» подхода Шумпетера, история экономического анализа которого отныне относится Блаугом к жанру «интеллектуальной истории», или «Geistesgeschichte».

¹ В отечественной историко-научной литературе такой реабилитацией Й. Шумпетер обязан А.В. Полетаеву, справедливо назвавшему его *magnum opus* «главным образцом историцистской истории экономической мысли», лишь по иронии озаглавленным «История экономического анализа» [11, с. 21].

Список использованной литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ., 4-е изд. М., 1994.
2. Винарчик П. Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 15–26.
3. Гурова И.П. История метода историко-экономической науки. Ульяновск, 1999.
4. Гурова И.П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке // Историко-экономический альманах / сост. и предисл. Д.Н. Платонова. М., 2004. Вып. 1. С. 28–51.
5. Гурова И.П. Методологический поиск в историко-экономической литературе XIX–первой половины XX веков // Историко-экономический альманах / сост. и предисл. Д.Н. Платонова. М., 2004. Вып. 1. С. 34–49.
6. Гурова И.П. Особенности методологии истории экономических учений // Экономический журнал. 2001. № 3. С. 130–140.
7. Гурова И.П. Сравнительный анализ методологии истории экономических учений: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000.
8. Жамин В.А., Субботина Т.П. Предмет и метод курса истории экономических учений // История экономических учений: учеб. пособие. М., 1989. Ч. 1. С. 5–10.
9. Кузьминов Я.И. Возвращение к «Истокам»: О теоретическом запасе сообщества российских экономистов // Истоки / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. М., 1998. Вып. 3. С. 3–22.
10. Негиши Т. История экономической теории: учеб.: пер. с англ. М., 1995.
11. Полетаев А.В. Классика в общественных науках // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2009. С. 11–49.
12. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1.
13. Blaug M. No history of ideas, please, we Are economists // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15, Iss. 1. P. 145–164.
14. Blaug M. On the historiography of economics // Journal of the History of Economics. 1990. Vol. 12. P. 27–37.
15. Perlman M. Perceptions of our discipline: three magisterial interpretations of the history of economic thought // History of Economics Society Bulletin. 1986. Iss. 2. Electronic version of printed publication. URL: <http://208.106.171.85/bulletin/vol7/No2/>.
16. Samuelson P.A. Out of the closet: a program for the Whig history of economic science // History of Economics Society Bulletin. Fall 1987. Vol. 9, № 1. Electronic version of printed publication. URL: <http://208.106.171.85/bulletin/vol9/No1/>.

References

1. Blaug M. Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive: per. s angl., 4-e izd. M., 1994.
2. Vinarchik P. Spasenie idei: J. Shumpeter i klyuchevye problemy protivoborstvuyushchikh ekonomicheskikh teorii // Voprosy ekonomiki. 2003. № 11. S. 15–26.
3. Gurova I.P. Istoriya metoda istoriko-ekonomicheskoi nauki. Ul'yanovsk, 1999.
4. Gurova I.P. Metodologicheskii vybor v sovremennoi istoriko-ekonomicheskoi nauke // Istoriiko-ekonomicheskii al'manakh / sost. i predisl. D.N. Platonova. M., 2004. Vyp. 1. S. 28–51.
5. Gurova I.P. Metodologicheskii poisk v istoriko-ekonomicheskoi literature XIX–pervoi poloviny XX vekov // Istoriiko-ekonomicheskii al'manakh / sost. i predisl. D.N. Platonova. M., 2004. Vyp. 1. S. 34–49.
6. Gurova I.P. Osobennosti metodologii istorii ekonomicheskikh uchenii // Ekonomicheskii zhurnal. 2001. № 3. S. 130–140.

7. Gurova I.P. Sravnitel'nyi analiz metodologii istorii ekonomicheskikh uchenii: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. M., 2000.
8. Zhamin V.A., Subbotina T.P. Predmet i metod kursa istorii ekonomicheskikh uchenii // Istoriya ekonomicheskikh uchenii: ucheb. posobie. M., 1989. Ch. 1. S. 5–10.
9. Kuz'minov Ya.I. Vozvrashchenie k «Istokam»: O teoreticheskom zapase soobshchestva rossiiskikh ekonomistov // Istoki / redkol.: Ya.I. Kuz'minov (gl. red.), V.S. Avtonomov, O.I. Anan'in i dr. M., 1998. Vyp. 3. S. 3–22.
10. Negishi T. Istoriya ekonomicheskoi teorii: ucheb.: per. s angl. M., 1995.
11. Poletaev A.V. Klassika v obshchestvennykh naukakh // Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii / otv. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M., 2009. S. 11–49.
12. Shumpeter J. Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3 t. / per. s angl. pod red. V.S. Avtonomova. SPb., 2001. T. 1.
13. Blaug M. No History of ideas, please, we are economists // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15, Iss. 1. P. 145–164.
14. Blaug M. On the historiography of economics // Journal of the History of Economics. 1990. Vol. 12. P. 27–37.
15. Perlman M. Perceptions of our discipline: three magisterial interpretations of the history of economic thought // History of Economics Society Bulletin. 1986. Iss. 2. Electronic version of printed publication. URL: <http://208.106.171.85/bulletin/vol7/No2/>.
16. Samuelson P.A. Out of the closet: a program for the Whig history of economic science // History of Economics Society Bulletin. Fall 1987. Vol. 9, № 1. Electronic version of printed publication. URL: <http://208.106.171.85/bulletin/vol9/No1/>.